

第三十届韩素音国际翻译大赛竞赛原文

汉译外竞赛原文：

地名中的传统文化含量

中国具有悠久的文明历史，留下了丰富多彩的历史篇章。历史有时间与空间这两个维度，直白地说，历史就是人们在一定的时间和特定空间创造的事件。时间是流动的，“逝者如斯夫，不舍昼夜”。空间却相对的固化，“人生代代无穷已，江月年年只相似。”（张若虚《春江花月夜》）。读万卷书，行万里路。书中所见是历史的时间地图；路中所见是历史的空间地理。而空间地理首先是从地名反映出来的。

年轻的时候读书，有机会到河南、陕西、山西、甘肃等地考察，每每见到《史记》、《资治通鉴》中常见的历史地名，在现实中就呈现在我走过的这条路旁的界标上，总是感慨万千，油然升起一种穿越历史时空的苍茫感。中国悠久的历史和文化仿佛就在身边，并不那么遥远。地名是故乡的第一记忆。西晋末年，永嘉南渡，不少北方士民，被战争所驱迫，离乡背井，迁徙到遥远的南方去，他们不知道什么时候能回到故土。于是，设置了很多侨置的州县，沿用北方故土的名字。用地名保留故乡记忆是人类共同的感情。大航海之后的殖民扩张时代，欧洲人到了美洲、澳洲，给自己新的居住地，安上故乡的旧地名，这在美国、加拿大、澳大利亚，可以说是比比皆是，司空见惯。

由此想到，当下的中国，许多地名是否能很好地保留祖先的历史记忆，传导深厚的历史文化底蕴？值得我们反思。

比如说，今天许多省域的简称。安徽，境内有皖江，简称皖，自有其道理，其实安徽最深刻的记忆是徽。陕西简称陕，其实陕县在河南，陕之西并不是陕，而“秦”恰恰是陕西最深刻的记忆。又如，县级机构的设立是秦汉创建郡县制国家体制的基础要素之一。而郡县制是中国悠久历史中最具特色的制度。相反，区与市，却是很晚近的行政体制，中国历史上的市不是行政区划，现在作为行政区划的市是从日本移植过来的。可是，随着我国城市化的扩大，县改为市，成为普遍的事情，也许将来有一天，中国最古老的文化符号之一——“县”，就会逐渐消失。

人类社会的发展过程中，会丢弃一些传统的文化符号，这是正常现象。但是，这种丢弃一定有某种特定原因。否则人们一定是想方设法地保存历史记忆。联合国的非物质文化遗产申遗，大约就是鼓励这种行为。而地名的历史文化深度和广度，甚至要超过许多被保护的物质文化遗产。究其原因，在一段时期内，与历史和文化虚无主义有关。民国初年，北洋政府甚至禁止中医公开营业，许多中国传统的节日也被取消，包括正旦（俗称过年），代之以阳历新年。后来大约群众的习惯力量太强大，才改成了春节。现在我们都把过年叫春节。许多地名的更改，改得越没有历史味道，就显得越进步、越新潮，就跟这种思潮有关。

近几年来，国家恢复了许多传统节日，把这些传统节日定为法定假日，这是一种提倡，一种态度。过节是人的需求，一种文化和情感的需求。就像节日的问题一样，我觉得有些被历史与文化虚无主义所妄改的地名，也应该正本清源，还其历史面目。对于各地的历史地名，进行一次拨乱反正，也许正当其时。

（注：根据赛事所设项目，本汉语原文可被译为英语、法语、俄语、西班牙语、阿拉伯语，参赛者可任选一项或多项。）

英译汉竞赛原文：

On Inequality

In the past four decades, studies of rising inequality in the United States have typically focused on the bottom 90 percent of earners. Economists have produced rigorous evidence demonstrating how trends in technology, trade, unionization, and minimum wages have shaped the fortunes of those Americans. Global labor-market forces have pushed up the demand for highly skilled workers and have led to steadily increasing wages for those with a college education. The same forces have led to declining or stagnant wages for those with lower levels of education. And a decline in unionization rates and the fall in the real value of the minimum wage have exacerbated the downward pressures on middle- and low-wage workers.

Less well understood are the causes of the tremendous surge in income among extremely high earners, meaning the upper 1.0, 0.1, and 0.01 percent. From a policymaking point of view, the most important question is how much of the ultrarich's income reflects activity, such as technological innovation, that benefits the broader economy. If, in contrast, the income of the biggest earners is produced by pursuits that are less broadly beneficial, such as high-frequency stock market trading, then higher taxes at the top would pose fewer economic costs.

Compared with the richest people and families in the early 1900s, when large fortunes often came from inherited assets, today's superrich are acquiring a larger share of their income in the form of earnings. About 60 percent of the income of the top one percent in the United States today is labor income. Some economists talk about the rise of "supersalaries" or "supermanagers": top executives of large corporations, primarily in the financial industry, who enjoy very generous compensation packages. They disagree, however, about whether the income earned by such executives reflects the efficient working of a market for talent, in which case their pay reflects their value, or whether the massive compensation packages result from a bargaining process that is shaped by regulations, institutions, and social norms.

Others highlight the role of technological developments in creating substantial economic rewards for those who possess specific skills and in reducing the employment security of less skilled workers.

Still others maintain that the primary factors driving the rise in executive pay at the top are not technology or imperfect markets but eroded social norms, questionable corporate-governance practices, and declining unionpower.

Another essential set of questions about inequality centers on whether wealth concentration negatively affects economic growth, shared prosperity, and democratic institutions. Since lower-income households have a higher propensity to spend out of their earnings than do higher-income ones, the more wealth held by high-income households, the less overall spending the economy might see. Another potential problem is that wealthy Americans tend to vote for (and lobby for) lower taxes; increased wealth concentration, then, could lead to harmful reductions in government spending on public goods such as education and infrastructure.

Even if the income of top earners reflects genuinely worthwhile contributions to society and does not impede economic growth, today's extreme inequality does threaten social cohesion. Economists and policymakers need not worry about inequality and should instead focus on reducing poverty and expanding opportunity.

In the winner-take-all economy of the contemporary United States, the gap between the top and the bottom has grown so large that it undermines any reasonable notion of equal opportunity. As inequality has increased, the country has witnessed a fraying of communities and institutions and deepening divisions along socioeconomic lines. Children from high-income homes are pulling further and further ahead of their less advantaged peers in terms of education, which means it is far less likely that children born into middle- or low-income homes will experience upward economic mobility.

Inequality also harms American society by encouraging negative perceptions of the economy and one's prospects for upward mobility. If Americans view the system as rigged against them and see economic success as out of reach, they might give up on the celebrated American ideals of hard work and meritocracy. Research shows that young men are more likely to drop out of high school if they live in places with higher levels of income inequality, all else being equal. This is consistent with evidence produced by psychologists showing that beliefs about inequality negatively affect people's expectations of social mobility.

The alarmingly low rates of labor-force participation among young Americans and those of prime working age might also be driven, at least in part, by a sense of malaise shaped by today's high levels of income inequality. Labor-force participation among American men aged 25 to 54 has fallen steadily since the mid-1960s, a trend that has been sharper in the United States than in other advanced economies.

A growing body of evidence now indicates that inequality in the United States threatens to create intergenerational poverty traps, greatly reduce social mobility, and marginalize entire swaths of the population. Such effects are sure to have political ramifications.

Many economists assume that no matter what policy remedies for extreme inequality emerge, wealthy elites will marshal their considerable influence to maintain their position and privileges. But they do not explore those potential policies at great length, nor do they consider the precise mechanisms that would shape pushback from the elites. In 2016, the Brexit vote and the American presidential election revealed the strength of populist and nationalist sentiments among voters who gleefully rejected the elite classes in both the United Kingdom and the United States.

When it comes to the problem of income and wealth inequality in the United States, there are no silver bullets. But policymakers have many levers available to them. The best evidence suggests that the United States could have a more progressive federal income tax code without incurring substantial economic costs. Tax reform should focus on expanding the tax base by closing loopholes and eliminating regressive features such as the mortgage-interest tax deduction, which benefits only high-income homeowners, and the carried-interest loophole, which benefits only those involved in private-equity finance.

The federal government should take the additional revenue such steps would generate and invest it in programs that would increase the country's economic potential. That would include improvements to public infrastructure, expanded access to high-quality childcare and preschool programs, and more spending on programs that assist economically disadvantaged youth. Government

commitments to public universities and community colleges must be strengthened. At the same time, institutions of higher education must focus on helping their students build the skills they will need to succeed in a competitive, rapidly changing labor market. These types of investments are crucial if the United States is to remain a land of opportunity.

法译汉竞赛原文:

《 Si claire est l'eau de ces bassins, qu'il faut se pencher longtemps au dessus pour en comprendre la profondeur 》 . Ces mots sont ceux qu'André GIDE écrit dans son Journal à propos de la Bruyère.

Ils conviennent particulièrement à Jean d'ORMESSON.

Car plus qu'aucun autre il aime la clarté. Celle des eaux de la Méditerranée, dont il raffolait, celle du ciel d'Italie, celle des maisons blanches de Simi, cette île secrète des écrivains. Celle des pentes enneigées et éclatantes où il aimait à skier, comme celles des criques de la côte turque, inondées de soleil.

Ne fut-il pas lui-même un être de clarté ?

Il n'était pas un lieu, pas une discussion, pas une circonstance, que sa présence n'illuminât. Il semblait fait pour donner aux mélancoliques le goût de vivre et aux pessimistes celui de l'avenir.

Il était trop conscient des ruses de l'Histoire pour se navrer des temps présents, et sa conversation, elle-même, était si étincelante qu'elle nous consolait de tout ce que la vie, parfois, peut avoir d'amer.

Jean d'ORMESSON fut ainsi cet homme entouré d'amis, de camarades, offrant son amitié et son admiration avec enthousiasme, sans mesquinerie. Ce fut un égoïste passionné par les autres.

Sans doute son bréviaire secret, était-il 《 Les Copains 》 de Jules Romains, auquel il avait succédé à l'Académie française. Berl, Caillois, Hersch, Mohrt, Déon, Marceau, Rheims, Sureau, Rouart, Deniau, Fumaroli, Nourissier, Orsenna, Lambron ou Baer... je ne peux les citer tous, mais cette cohorte d'amis, ce furent des vacances, des poèmes récités, de la liberté partagée.

Pour ceux qu'il accompagna jusqu'au terme ultime, sa présence et sa parole furent des baumes incomparables. Comme son cher Chateaubriand le disait de Rancé, 《 on croyait ne pouvoir bien mourir qu'entre ses mains, comme d'autres y avaient voulu vivre 》 .

Cette grâce lumineuse, contagieuse, a conquis ses lecteurs qui voyaient en lui un antidote à la grisaille des jours. Paul Morand disait de lui qu'il était un 《 gracieux dévorant 》 , rendant la vie

intéressante à qui le croisait. C'est cette clarté qui d'abord nous manquera, et qui déjà nous manque en ce jour froid de décembre.

Jean d'ORMESSON fut ce long été, auquel, pendant des décennies, nous sommes chauffés avec gourmandise et gratitude. Cet été fut trop court, et déjà quelque chose en nous est assombri.

Mais celui que l'on voyait caracoler, doué comme il l'était pour l'existence et le plaisir, n'était pas le ludion auquel quelques esprits chagrins tentèrent, d'ailleurs en vain, de le réduire.

La France est ce pays complexe où la gaieté, la quête du bonheur, l'allégresse, qui furent un temps les atours de notre génie national, furent un jour, on ne sait quand, comme frappés d'indignité. On y vit le signe d'une absence condamnable de sérieux ou d'une légèreté forcément coupable. Jean d'ORMESSON était de ceux qui nous rappelaient que la légèreté n'est pas le contraire de la profondeur, mais de la lourdeur.

Comme le disait Nietzsche de ces Grecs anciens, parmi lesquels Jean d'ORMESSON eût rêvé de vivre, il était «superficiel par profondeur» .

Lorsqu'on a reçu en partage les facilités de la lignée, du talent, du charme, on ne devient normalement pas écrivain, on ne se veut pas à toute force écrivain, sans quelques failles, sans quelques intranquillités secrètes et fécondes.

«J'écris parce que quelque chose ne va pas» disait-il, et lorsqu'on lui demandait quoi, il répondait : «je ne sais pas», ou, plus évasivement encore : «je ne m'en souviens plus». Telle était son élégance dans l'inquiétude.

Et c'est là que l'eau claire du bassin soudain se trouble. C'est là que l'exquise transparence laisse paraître des ombres au fond du bleu cobalt. Un jour vint où Jean-qui-rit admit la présence tenaillante, irréfragable, d'un manque, d'une fêlure, et c'est alors qu'il devint écrivain.

Ses yeux aujourd'hui se sont fermés, le rire s'est tu, et nous voici, cher Jean, face à vous. C'est-à-dire face à vos livres. Tous ceux que vous aviez égarés par vos diversions, que vous aviez accablés de votre modestie, tous ceux à qui vous aviez assuré que vous ne dureriez pas plus qu'un déjeuner de soleil, sont face à cette évidence, dont beaucoup déjà avaient conscience, se repassant le mot comme un secret.

Cette évidence, c'est votre œuvre.

Je ne dis pas : vos livres, je ne dis pas : vos romans. Je dis : votre œuvre. Car ce que vous avez construit avec la nonchalance de qui semble ne pas y tenir, se tient devant nous, avec la force d'un édifice où tout est voulu et pensé, où l'on reconnaît à chaque page ce que les historiens de l'art appellent une palette, c'est-à-dire cette riche variété de couleurs que seule la singularité d'un regard unit.

La clarté était trompeuse, elle était un miroir où l'on se leurre, et le temps est venu pour vous de faire mentir votre cher Toulet. «Que mon linceul au moins me serve de mystère», écrivait-il.

Votre linceul, lui, désormais vous révèle.

Nous devons, pour vous entendre, à présent tendre l'oreille, et derrière les accords majeurs nous entendrons, comme chez Mozart, la nuance si profonde des accords mineurs.

Ce que votre politesse et votre pudeur tentaient de nous cacher, vous l'aviez mis dans vos livres. Et ce sont les demi-teintes, le «sfumato» subtil, qui vont à présent colorer la surface claire. Ce sont ces mille couleurs qui flottent comme sur de la «moire» précisément, dont Cocteau parlait en essayant de qualifier les blancs de Cézanne. Nous ne vous découvrirons ni triste, ni sombre, mais derrière votre ardeur nous saurons voir une fièvre, derrière vos plaisirs une insatisfaction, et derrière votre bonheur quelque chose d'éperdu, de haletant, qui nous touche en plein cœur.

Nous entrerons dans le secret de cette âme qui s'est si longtemps prétendue incroyante pour comprendre qu'elle ne cessa d'embrasser le monde avec une ferveur mystique, débusquant partout, au cœur de son ordre improbable et évident, ce Dieu, au fond si mal caché, dont vous espériez et redoutiez la présence et qui, peut-être, dans quelque empyrée, vous fit enfin : «la fête continue.»

Vous ne nous aviez pas si bien trompés, il est vrai. Nous savons que votre conversation la plus personnelle était réservée à ces écrivains que fascinèrent les mystères du monde, et d'abord l'insondable mystère du temps. Cheminer avec Saint-Augustin, Chateaubriand, Proust, c'est n'être point dupe des arcanes de la vie. S'entretenir par-delà la mort avec Caillois, Berl, ou votre père, c'est frayer dans des contrées parfois austères où vous alliez nourrir la force de vos livres. C'est dans ces confrontations intimes que vous alliez puiser cette énergie incomparable. Contrairement à Chateaubriand, encore lui, qui se désespérait de durer, vous avez cru qu'en plongeant au cœur des abîmes de la vie vous trouveriez la matière revigorante et universelle de livres où chacun reconnaîtrait sa condition, où chacun se consolait de ses contradictions.

Et pour cela vous avez inventé, presque sans la chercher, cette forme nouvelle tenant de l'essai, de l'entretien, de la confession et du récit, une conversation tantôt profonde, tantôt légère, un art libertin et métaphysique. C'est ainsi que vous avez noué avec les Français, et avec vos lecteurs dans tant de pays, une relation particulière, une proximité en humanité qui n'était qu'à vous.

Le courage de l'absolu dans la politesse d'un sourire.

C'est cela votre œuvre, elle vous lie à Montaigne, à Diderot, à La Fontaine et Chateaubriand, à Pascal et Proust, elle vous lie à la France, à ce que la France a de plus beau et de plus durable : sa littérature.

C'est le moment de dire, comme Mireille à l'enterrement de Verlaine : «regarde, tous tes amis sont là.» Oui, nous sommes là, divers par l'âge, par la condition, par le métier, par les opinions politiques, et pourtant profondément unis par ce qui est l'essence même de la France : l'amour de la littérature et l'amitié pour les écrivains. Et ce grand mouvement qu'a provoqué votre mort, cette masse d'émotion, derrière nous, derrière ces murs, autour de nous et dans le pays tout entier, n'a pas d'autres causes. A travers vous la France rend hommage à ce que Rinaldi appelait «la seule chose sérieuse en France, si l'on raisonne à l'échelle des siècles» .

Evoquant, dans un livre d'entretien, votre enterrement, vous aviez écrit : «à l'enterrement de Malraux, on avait mis un chat près du cercueil, à celui de Defferre c'était un chapeau, moi je voudrais un crayon, un crayon à papier, les mêmes que dans notre enfance. Ni épée, ni Légion d'honneur, un simple crayon à papier.»

Nous vous demandons pardon, Monsieur, de ne pas vous avoir tout à fait écouté, pardon pour cette pompe qui n'ajoute rien à votre gloire. Avec un sourire auriez-vous pu dire peut-être que nous cherchions là à vous attraper par la vanité et peut-être même que cela pourrait marcher.

Non, cette cérémonie, Monsieur, nous permet de manifester notre reconnaissance et donc nous rassure un peu. Du moins puis-je, au nom de tous, vous rester fidèle en déposant sur votre cercueil ce que vous allez et ce que vous aviez voulu y voir, un crayon, un simple crayon, le crayon des enchantements, qu'il soit aujourd'hui celui de notre immense gratitude et celui du souvenir.

Je vous remercie.

俄译汉竞赛原文:

Рожайте не откладывая. Путин озвучил меры поддержки семей с детьми на 2018

В Кремле прошло заседание координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей. Что ждёт семьи с детьми начиная с 2018 года?

Одним из главных посылов в выступлении президента стал тот факт, что государство поможет многодетным купить жильё, молодые семьи получат существенные выплаты при рождении первенца, малыши до 3 лет — места в яслях, а дети, которым требуется врачебная помощь, смогут получать её своевременно.

Тем, кто планировал рождение детей, но не решался по финансовым причинам, стоит сделать это не откладывая — до 2022 года. Государство запланировало беспрецедентные меры поддержки. Прежде всего, это увеличение денежных выплат. И в первую очередь это коснётся многодетных, молодых семей и семей со скромными доходами. Путин озвучил шесть первоочередных мер, которые правительству придётся реализовать в ближайшие годы, чтобы не допустить демографического спада и стимулировать рождение детей.

Зарплата для младенца

«Необходимо уделять особое внимание молодым семьям. Молодые люди, которые либо ещё учатся, либо только вступили в трудовую деятельность, доходы очень скромные, как правило. Это часто сдерживает рождение первенца», — подчеркнул глава страны.

С 2018 года всем семьям, в которых величина дохода на одного человека не превышает 1,5 прожиточных минимума, при рождении первенца будет выплачиваться сумма в размере прожиточного минимума ребёнка — вплоть до полутора лет. В среднем она составит (зависит от региона): в 2018 году — 10 523 рубля, в 2019 году — 10 836 рублей, в 2020-м — 11 143 рубля. На это в бюджете запланировано 144,5 млрд. рублей.

Президент предложил продлить действие материнского капитала до 31 декабря 2021 года. Более того, особо нуждающиеся семьями смогут получать материнский капитал в виде ежемесячных выплат. Принцип тот же, что и в поддержке молодых семей — если среднедушевой доход семьи не превышает 1,5 прожиточных минимума. И до тех пор, пока ребёнку не исполнится 1,5 года. Кроме того, материнский капитал можно будет использовать на оплату услуг дошкольного образования, начиная с 2-месячного возраста ребёнка. «Знаю, что востребованность этой меры очень большая. В частности, мама после рождения ребёнка сможет продолжить работу или образование», — отметил президент.

Плюс к этому расширится число регионов, которые получают софинансирование из федерального бюджета для выплаты пособий на третьего ребёнка, пока ему не исполнилось 3 года. Такая мера поддержки многодетных семей в некоторых субъектах РФ действует с 2013 года. Это прежде всего регионы, где рождаемость ниже средней по России. В 2017 году их было 50. С 1 января 2018 года их станет 60. Отобраны регионы, где в среднем у одной женщины рождается один-два ребёнка.

Многодетным помогут купить жильё

Наконец, семьи, в которых с 1 января 2018 года родится второй или третий ребёнок, смогут получить ипотеку на льготных условиях. Государство будет субсидировать процентную ставку сверх 6% годовых по кредиту. «Объясню: к примеру, сегодня средневзвешенная ставка на рынке ипотечного кредитования составляет, по данным Банка России, 10,05 процента, то есть в таком случае государство берёт на себя более 4 процентов стоимости кредита, — разъяснил Путин. — По оценке Минстроя, в предстоящие пять лет эта программа может охватить свыше 500 тысяч семей» .

Президент озвучил и другие подробности программы. Программа ограничена по времени. Оплачивать часть кредита государство будет в течение 3 лет после рождения второго ребёнка и в течение 5 лет — третьего. Если же у семьи после второго ребёнка к концу этого 3-летнего срока родится третий, но не позднее 31 декабря 2022 года, то действие программы будет продлено на ещё на 5 лет после даты окончания предоставления субсидии в связи с рождением второго ребёнка. Если же третий ребёнок родится после истечения срока субсидии на второго малыша, но опять же не позднее 31 декабря 2022 года, то программа начнётся с даты его рождения.

Откроют ясли и отремонтируют больницы

Власти на местах обязаны будут разобраться и с нехваткой мест в яслях — для детей от 2 месяцев до 3 лет. 326 тыс. детей стоят в очереди на получение места в яслях. Столько мест должно быть создано в предстоящем году.

Безусловно, сдерживает рождение вторых и третьих детей и отсутствие доступной и качественной медицинской помощи в некоторых регионах. Родители, столкнувшиеся с очередями в детских поликлиниках, нехваткой специалистов, к которым нужно записываться за несколько недель (а потому вынужденные идти нередко в платные клиники), не хотят повторения «хождения по мукам» .

«Состояние большинства детских поликлиник, их оснащённость оборудованием оставляет желать лучшего. Здесь есть проблемы с очередями, с записью к нужному специалисту, — озвучил проблемы глава РФ. — Это нужно исправлять и улучшать» .

На реконструкцию и оснащение детских больниц и поликлиник нужно 50 млрд. рублей. 30 млрд. из них государство выделит регионам из федерального бюджета — по 10 млрд. ежегодно в течение ближайших трёх лет.

Сироты обрели семью

Столь кардинальные меры поддержки семей, озвученные президентом, несказанно удивили и самих чиновников. «Мы в хорошем смысле в шоке от услышанного» , — заявила председатель Совета Федерации и глава Координационного совета Валентина Матвиенко. По её словам, на фоне таких предложений всё проделанное координационным советом за пять лет, а именно: концепция семейной политики, развитие индустрии детских товаров, разработка закона о детском отдыхе, увеличение социальной пенсии детям-инвалидам и т.д. — «уже никому не интересны» . Однако есть и реальные достижения, в частности снижение вдвое числа детей-сирот в детдомах. По утверждению Матвиенко, подобных показателей нет ни в одной стране мира. На треть снизилось число новорождённых-отказников. На столько же — число детей, родители которых лишены родительских прав.

Не говоря уже достижении исторического минимума по младенческой и материнской смертности. В том числе благодаря созданию современных суперклиник для мам и малышей — перинатальных центров. Касаясь проблемы третьих смен в школах, Матвиенко попросила президента добавить ещё 25 млрд. рублей на строительство школ вдобавок к уже запланированным 25 млрд.

К слову о детском отдыхе. По поручению президента сейчас правительство занимается превращением Евпатории в детский курортно-оздоровительный город.

«Детское население нашей страны за пять лет выросло на 3 миллиона человек. В 2012 году в возрасте до 17 лет включительно у нас было 26,5 миллионов, сейчас детей от нуля до 17 лет включительно — 29,5 миллиона человек» , — отчиталась вице-премьер Ольга Голодец.

А вот с медициной, подтвердила Голодец, по-разному. Есть регионы, не уступающие лидерам мирового здравоохранения — это Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Томская область и Краснодарский

край. В отстающих — Еврейская АО, где смертность одна из самых высоких в стране. К уже действующим 82 перинатальным центрам прибавится ещё 12.

西译汉竞赛原文:

Palabras de Su Majestad el Rey en la entrega del Premio de Literatura en Lengua Castellana “Miguel de Cervantes” al Sr. Eduardo Mendoza

El Premio de Literatura en Lengua Castellana Miguel de Cervantes nos reúne de nuevo para rendir testimonio público de admiración a la figura de un escritor que, con el conjunto de su obra, haya contribuido a enriquecer el legado literario hispánico.

El pasado 30 de noviembre conocimos el nombre del galardonado en esta edición: el escritor barcelonés Eduardo Mendoza, cuya labor literaria se sitúa “en la estela de la mejor tradición cervantina”, según quedó reflejado en el acta que contiene el veredicto del jurado.

En sus primeras declaraciones a los medios de información, Eduardo Mendoza expresó que la noticia del premio fue algo inesperado, pues nunca se había considerado candidato al mismo. Aunque para él supusiese toda una sorpresa, no lo fue tanto ni para la crítica ni para sus numerosos lectores, que siempre han coincidido en valorar la obra del galardonado, una obra que ha alcanzado enorme difusión, tanto en su lengua original como en sus traducciones a más de una veintena de idiomas. Pocos escritores contemporáneos han contribuido tanto al fomento de la lectura entre jóvenes y adultos como Eduardo Mendoza, demostrando que la popularidad no tiene que estar reñida con la excelencia.

Recibimos, pues, a Eduardo Mendoza en la ciudad que vio nacer a Miguel de Cervantes, en su principal institución cultural y académica: la Universidad de Alcalá. Para mí ya es una grata costumbre venir a esta universidad, la última vez hace algo más de un mes, aunque no por ello deja siempre de impresionarme este lugar y esta ciudad cervantina.

El espacio que nos acoge, el Paraninfo, que ha sido escenario de importantes acontecimientos a lo largo de la historia, fue ideado por el venerable fundador de esta Universidad: el Cardenal Cisneros (Francisco Jiménez de Cisneros), un estadista, reformador, promotor de la educación y de la cultura, al que recordamos en este año en el que se cumple el V Centenario de su fallecimiento.

El Cardenal Cisneros supo rodearse de los mejores trabajadores -más bien artesanos- del lenguaje de su época, como Elio Antonio de Nebrija, autor de la primera gramática castellana,

publicada unos años antes, en 1492, al que llamó su Universidad para colaborar en la magna empresa de la Biblia Políglota Complutense.

Eduardo Mendoza es también un trabajador del lenguaje, primero como traductor e intérprete, actividad profesional a la que dedicó varios años en la ONU, y más tarde como escritor, aunque sin dejar de lado la traducción literaria, que tanta satisfacción le produce. Autor y traductor, dos vertientes de la creación literaria que Mendoza reivindica al señalar que el escritor que traduce de otras lenguas puede ver mejor el tejido de la suya propia.

Eduardo Mendoza, a partir del talento y la excelencia que caracteriza su obra, es un verdadero artesano del lenguaje, al cual usa como una herramienta de precisión que se ajusta a los diferentes registros idiomáticos que definen a los personajes de su obra. De esta forma llega a ser un maestro en el manejo del idioma para acercarnos a diversas realidades, desde la de los diferentes grupos marginales a la de las clases altas, en diferentes épocas y en diferentes lugares; e incluso llega a recurrir a las más variopintas jergas profesionales. Mendoza ha llegado a definirse como “un relojero de las frases”. Ya lo decía Juan Ramón Jiménez: “quien escribe como se habla irá más lejos en lo porvenir que quien escribe como se escribe”.

Un escritor es primero, y ante todo, un lector. Eduardo Mendoza recuerda en numerosas ocasiones sus lecturas de infancia y adolescencia, los descubrimientos que hacía gracias a los profesores de su colegio o a sus incursiones en la biblioteca paterna y en las bibliotecas de otros miembros de su familia. Los clásicos españoles y universales, las novelas de aventuras y los tebeos conviven de forma natural en el acervo cultural de aquel muchacho que vivía en la Barcelona de los años 50 y primeros años 60 del siglo pasado. Una época en la que -según sus propias palabras- los niños no tenían mucho más que su imaginación para pasar el tiempo, por lo que mataban las horas inventando hazañas o contándose las aventuras que habían visto en las películas o que habían leído en los tebeos.

Mendoza se considera heredero de todas esas tradiciones, de todas estas lecturas y vivencias, desde las grandes novelas del siglo XIX hasta la literatura de quiosco (con títulos como el TBO, El Coyote, Pulgarcito o Tarzán); de todas ellas tomará recursos y modelos que incorporará a su producción literaria.

Además de Cervantes y su Don Quijote de La Mancha, que le ha acompañado durante toda su vida, otros escritores españoles y extranjeros han influido en la obra de Eduardo Mendoza: Valle-Inclán y sus esperpentos o los grandes autores de la literatura universal, con una especial conexión con los novelistas británicos, franceses y rusos. A uno de esos autores, por el que profesa una especial admiración, dedicó un estudio: Pío Baroja, en el que reconoce la misma mirada compasiva hacia sus personajes que se inicia con Miguel de Cervantes, mirada compasiva que se aprecia tan claramente en la obra del mismo Mendoza.

En 1975 (precisamente el año en que se crea este Premio Miguel de Cervantes) Eduardo Mendoza publica su primera novela, La verdad sobre el caso Savolta, lo que supuso un acontecimiento que transformó completamente el panorama literario en nuestro país. Desde ese primer momento, cada nuevo título de Mendoza ha sido recibido con una expectación inusual tanto por parte del público lector como por parte de la crítica y los estudiosos de la literatura.

En estos algo más de 40 años Mendoza nos ha deleitado con una quincena de novelas, a las que hay que sumar sus incursiones en el relato corto, el ensayo e incluso en el género dramático. Es, pues, fundamentalmente un novelista. Pero un novelista que no se adhiere a

una tipología cerrada de novelas: en sus obras conviven y se entremezclan la novela histórica, la novela negra, la parodia, la picaresca y la crónica periodística. Y siempre, o casi siempre, con un hilo conductor: el humor. El mestizaje literario, como se ha puesto de manifiesto, es un rasgo fundamental en la obra de Eduardo Mendoza.

[...]

Querido y admirado Eduardo: te damos la enhorabuena por este premio, que es solo un punto y seguido en tu carrera literaria, que a buen seguro nos seguirá ofreciendo nuevos títulos con los que volveremos a disfrutar, pensar, sonreír y reír.

Muchas gracias.